

СЕВЕРНЫЙ

ЛЮДИ

№ 123 (1833).
26 НОЯБРЯ
1990 ГОДА
ПОНЕДЕЛЬНИК
Цена 3 коп.

ОРГАН ПУРОВСКОГО РАЙОННОГО СОВЕТА НАРОДНЫХ ДЕПУТАТОВ
ЯМАЛО-НЕНЕЦКОГО АВТОНОМНОГО ОКРУГА ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ

Газета выходит с января 1979 года.

В течение дня 21 ноября в редакцию позвонили четверо таркосалинцев с одним вопросом: почему перебой с хлебом, или он становится еще одним товаром ажиотажного спроса?
Поскольку на все звонки отвечала наш корреспондент Г. ПОКЛОНСКАЯ, то она и обратилась за ответами на заданные вопросы к исполняющей обязанности директора Таркосалинского хлебозавода Т. М. ЯНКОВСКОЙ.

— это дни, когда осуществляется завоз хлеба на буровые. А по остальным, названным вами адресам, завозим регулярно.

— Правда ли, спрашивают читатели, что хлебозавод скоро закрыва-

ют на ремонт? — Хлеб нужен всем, а вот помощи от организаций очень мало. Сейчас вместо того, чтобы заниматься непосредственной работой, метаясь в поисках то того, то другого. Нужны задвижки, головки, листы ДВП, метлахская плитка, электротрампочки, светильники, уголки металлические и как говорят в таких случаях и т. д. и т. п.

— А как вы обеспечены мукой и всем необходимым для хлебопечения?

— Наш резерв муки имеется на складах ораса, хотя лимит существует.

— Так что вы можете успокоить таркосалинцев, что хлеб будет?

— Да, мы делаем все, что в наших силах. К сожалению, нашим печам уже шесть лет, да и другое оборудование часто ломается. Но особенно подводит наша трансформаторная подстанция. В апреле было загорание. Еще с мая стоял вопрос о строительстве ее в кирпичном исполнении и выносе с территории завода. Но воз и ныне там. И потому мы работаем как на пороховой бочке и постоянно боимся пожара и аварий.

● ИНТЕРВЬЮ НА ЗЛОБУ ДНЯ

Хлеб — будет!

— Татьяна Матвеевна, почему в магазинах не было хлеба?

— У нас была авария, а потому электроэнергию отключили 19 ноября в 16 часов 25 минут и дали 20-го в 11 часов 20 минут. Так что без малого мы простояли сутки.

— Как организована работа хлебозавода теперь, чтобы снабжение хлебом населения было бесперебойным?

— Работаем мы круглосуточно, в три смены. В среднем выпекаем 4,5 тонны хлеба в сутки.

— Сколько его поступает в торговлю?

— Хлеб в магазины завозим в основном три раза в день. И составляет это примерно 3,5 тысячи буханок. Кстати,

21 ноября, когда вам звонили в редакцию, мы по заявке торговли отправили в магазины 4600 буханок.

— То есть этим подерживается, что ажиотажный спрос на хлеб был?

— Да, некоторые брали по пять буханок, видимо боялись, что снова не будет в продаже.

— Тем более, что главный хлебный магазин поселка «Колос» был закрыт?

— Да, продавцы этот день, раз нет хлеба, следили санитарным днем.

— А как вы снабжаете хлебом буровые, общепит, детские сады, школы?

— Основная нагрузка на нас ложится в понедельник, вторник, среду

ют на ремонт?

— Ремонт у нас уже ведется с 15 октября. Работаем на одной печи, останавливать завод не намерены. Не сегодня-завтра ждем из Омска бригаду монтажников, которая вместо второй демонтированной печи установит электрическую. Тогда перейдем на нее, а первую будем ремонтировать и, возможно, тоже менять.

— А когда начнет работать кондитерский цех?

— Точно срок указать не могу. Сейчас в нем ведется ремонт. Будем надеяться, что откроем к Новому году. Это, к сожалению, от нас не зависит.

— А от кого это зависит? В чем наибольшие проблемы?

● Вступительное слово

Ирония и страсть

Недавно, представляя читателям «СЛ» поэтессу из Губкинского Анну Колесник, я коснулся вопроса иронии в поэзии. Сегодня, когда с особым интересом, вниманием и наслаждением прочитан «Сказ» моего хорошего знакомого — поэта из Челябинска, члена Союза писателей СССР, автора многих сборников стихов и поэм, в том числе для детей, вышедших в издательствах Свердловска и Москвы, Владимира Сулова — давнего друга нашей районки, хотелось бы продолжить разговор о политической иронии, то есть трезвом, пронзительном (порой пронзительном) взгляде на историю и современность, чего нам в последнее десятилетие катастрофически не хватало.

Непосредственность восприятия мира отнюдь не исключает разглядывания жизни под определенным

углом во всевозможных исторических преломлениях, а даже напротив — добавляет ей особой выразительности и необычности. Простое, непосредственное рассмотрение вани и изображение обрачивается в конечном итоге пестротой, зачастую утомительной, тогда как ирония помогает все историческое и попадающее ныне в поле зрения выстроить в определенный ряд и снабдить индивидуальным колоритом и тональностью... Обо всем этом думается, читая «Сказ» Вл. Сулова. В некоторых катренгах неслучайно отдает газетностью, да автор и не скрывает, что ему есть дело до всего. Он совершенно не склонен «ужимать» себя и навсегда очерченным кругом тем, ибо осознает ограниченность и даже убийственность любой заданности. Да, со временем понимаешь: не все тебе подвластно и по «зубам», не во всем ты одина-

ково силен и умен, но стремление раздвинуть границы собственных возможностей — разве не достойно всяческого одобрения и поддержки?

Для писателя перспективно небрежное отношение к любым проявлениям жизни. И читательский интерес можно привлечь не только сенсационностью материала, который, между прочим, чаще всего излагается то ропливо и небрежно, а вы сокой художественностью, тонким психологизмом, богатым образным языком, но главное — глубинным осознанием психологических пластов века.

Неутихающей страстью и человечностью отмечены отдельные разделы представляемого произведения. Эти качества неизменно пробиваются сквозь крепкую его канву и даже затмевают неусыпную ироничность и сарказм. «Сказ», надо признаться, горячо современное

произведение, по-настоящему публицистичное. Вл. Сулов не уходит от прямого, почти газетного, разговора. И уверен: на должный публицистический уровень выводят своеобразную поэму в первую очередь ироничность и улыбочность.

Я умышленно не цитирую отдельные строки из «Сказа», как обычно это делается в подобных случаях для подкрепления и усиления своих критических суждений, потому что, считаю, читатель выделит их сам...

Еще несколько слов об авторе. Владимир Сулов — бывший кадровый военный, полковник запаса. Долгое время командовал войсковым подразделением на Крайнем Севере. Первое стихотворение поэта в «СЛ» было напечатано более четырех лет назад. Представляя сегодня Вл. Сулова, мы желаем ему щедрой страды на поэтической ниве, творческого горения, душевного равновесия и бодрости, северного здоровья!

В. ГАЛАМАСЮК,
п. Тарко-Сале.

АНОНС

ЮНЫЕ ТАРКОСАЛИНЦЫ — ЧЕМПИОНЫ СТРАНЫ

На днях пришла радостная весть о том, что команда юных футболистов из Тарко-Сале стала победителем Всесоюзного турнира, обойдя именитых соперников из Москвы, Ленинграда, Омска. Перспективы у ребят замечательные. Они получили приглаше-

ние на международный турнир в США, заключен договор с финским клубом «Вэйкола» об обмене детскими клубами.

В ближайших номерах «СЛ» читайте размышления тренера команды Г. В. Слунцинына.

Владимир Сулов

СКАЗ

без прикрас о партийных вождях и немножко о нас

«... когда нас упрекают в жестокости, мы недоумеваем, как люди забывают элементарнейший марксизм». В. И. Ленин. Речь на митинге сотрудников ВЧК 7-го ноября 1918 г. «Только одно средство — революционный терроризм». Карл Маркс. Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения т. 5, стр. 494.

Аты-баты, шли дебаты: тот ли нет ли держим путь?

Дайте лучше мне, ребята,

прошпионов что-нибудь.

Мне от эдакого чтива

каждый раз не по себе.

Но страшнее детектива

краткий курс ВКП(б).

Тут такие, брат,

интриги,

позакручен так сюжет,

что еще подобной книги

в мире не было и нет.

Взять хотя бы для

начала

над Бухариным процесс

Чья-то совесть

промолчала

и соколик наш исчез.

Жаль родимого и все

же,

кто бы что ни говорил,

в революцию, похоже,

сам подобное творил.

Старой гвардии

любимец,

покоряя шумный зал,

вскинув худенький

мизинец,

не к расправе ль

призывал?

«Пролетарское принуж-

дение во всех его формах,

начиная от расстрела и

кончая трудовой повинностью, является, как парадоксально это не звучит, ме-

тодом выработки коммунистического человечества».

Н. И. Бухарин. «Экономика переходного периода».

Дни тяжелые настали,

поселился в людях

страх.

Дорогой товарищ Сталин

лес рубил не впопыхах.

Выбирал он самый

крепкий

и, чтоб каялись умы,

далеко летели щепки,

аж до самой Колымы.

И гадаем нынче все мы,

распалаясь до бела.

Как так вышло, их

система,

их самих же подвела?

Довела их до расстрела,

заменяла злом добро.

И куда тогда смотрело

все твое Политбюро?

Иль намек был хуже

смерти,

что лишат наверняка

и квартиры в самом

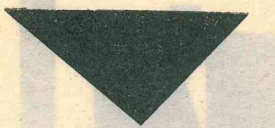
центре,

и кремлевского пайка?

Разобраться в этом,

право,

нам, пожалуй, мудрено.

Вождь всю чинит
расправу,
а партиям все равно.
Может быть, справляя
даты,
с боем взятые в борьбе,
дети старого Арбата
больше сохли о себе?
Дачи в Сочи,
дачи в Химках
и Серебряном бору.
Рядом с ним они на
снимках,
с ним же рядом на миру.
А над этой ордою,
опираясь на труды,
черт с холеной бороδοю,
сатана без бороды.
Кто был лучше,
кто был хуже?
Все труды перелистал,
а не понял я, кому же
очищаем пьедестал?
«... немедленно применить
массовый расстрел...»
Первый приказ Льва
Троцкого, ставшего 3-го
сентября 1918 г. председа-
телем реввоенсовета респуб-
лики.

Ходуном земля ходила,
надломив живую ось.
Многих умных ослепила
эта классовая рознь.
Расказывали сходу,
отлучали от земли.
Православного народу
мало что ли извели?
Только в одном Крыму от
красного террора, которым
руководили Бела Кун и Ро-
залия Землячка, погибло
70 тысяч человек.

Максимилиан Волошин.
«Стихи о терроре».
Так что надо нам,
ребята,
разобраться в их
борьбе.
Может, в этом виновата
и сама ВКП(б)?
Не один же он кулачил
и ссылал за валуны.
Все содействовали,
значит,
доля есть и их вины.
На собраниях актива
в разнуздавшиеся дни
вождь одергивал
ретивых,
кем бы не были они.

«Нельзя насаждать колхо-
зы силой. Это было бы
глупо и реакционно».
И. В. Сталин. «Голово-
кружение от успехов».

Ну кого добром
помянешь,
протирая образа?
Каждый прячет, как ни
глянешь,
виноватые глаза.
Но как нас не изводили,
все же еще не мало лет
незаяптаннами были
и душа, и партбилет.
Все бы шло согласно
правил,
как приписывал устав,
если б он не обезглавил
Красной Армии состав.
Да еще бы не
прохлопал
изначальный ход войны,
то солдат к Москве не
топал
с чувством собственной
вины.

Не жалел,
ни ради славы,
ни своих ни наших сил.
Европейские державы
от оков освободил.
Всем, кто выжил в этом
пекле,
дал под крылышком
принют.

А теперь они окрепли,
на него и нас плюют.
Был бы жив, то
непреречно
всех пустил бы на
распыл.
Но опять же в жизни
бренной
бессеребряником был.

Не давал резвиться
кланам,
в жизнь рабочего
вникал.
Понукал, конечно,
планом,
ну а кто не понукал?
Строг был,
но не зазнавался,
в дружбу к сильному не
лез.
Ошибался? Ошибался!
Но стоял-то за прогресс!
Не качайте головами,
не стучите кулаком.
Нынче лихо судим с
вами,
а не задним ли умом?

Многим был он не по духу,

но довел он до ума
и державу-развалюху,
и заводы, и дома.
Ну а те,
кто был в опале,
эти славные дела
культуры личности
назвали,
ну так личность и была!
Находясь когда-то
рядом,
это Черчилль не скрывал,
под его тяжелым
взглядом,
не хотел, а все ж
вставал.
Сомневаетесь?
Напрасно!
Аль не Сталина рука
под огнем, как смерть,
ужасным
в бой вела фронтовика?
Перед боем,
в поле чистом
принимали их гуртом.
Отчего же коммунисты
оказались за бортом?
Оттого, что не
стесняясь,
поприбрав к рукам обоз,
потихоньку
превращались
в коррумпированных
бонз.

Каждый это дело знает,
хоть кого поди спроси,
тот, кто хлеб
распределяет,
тот хозяин на Руси.
Никого не признавали,
это ль скажете не срам?
Шли в буфет и тетя
Валя
наливала по сто грамм.
И эстеты, и аскеты,
видя этаким порок,
побросали партбилеты
на обкомовский порог.
«... партия может выпол-
нить... задачи в том случае,
если она сама является
олицетворением дисципли-
ны и организованности».
И. В. Сталин. «Вопросы
ленинизма».

Сплетено немало
сплетен,
неизбывных не избить.
А усопший не ответит,
не опасен, можно бить.
Как его б не поносили,
это с ним народ родной
в краткий срок беду
осилит,

порожденную войной.
Не за пришествие
Мессии,
не за ссылки и тюрьму,
за спасение России
низко кланяюсь ему.
Сталинист, мне скажут
хором,
и уж больно он речист!
Я в ответ вздохну с
укором:
ну какой я сталинист!
Каждый может
убедиться
в том, что я по мере
сил,
на развернутых
страницах
все как было изложил.
В честь его
под светлым сводом
раздирали криком рот.
Был вождем он всех
народов,
был, теперь наоборот.
Не бывало в мире злее,
ни злодея, ни царя...
Но его из Мавзолея
все же вынесли мы зря.
Пусть лежал бы, хмури
брови,
и смотрел на наш
развал.
Ну а рядом в изголовье
Каганович бы стоял.
А за ним бы на
подмостках,
встав по росту и уму,
те, кто пел по-идиотски
славу вечную ему.
Жили сытно, жили
справно,
исключая черный день.
И теперь они исправно
теперь наводят на плетень.
Помыкают нашим,
вещам,
тем, что создано всерьез.
Ну а мы им рукоплещем,
умиляемся до слез.
Славословием владея,
в суете каверзной тщеты
христианскую идею
довели до нищеты.
Потому в марксистской
робе,
потеснив собою Спас,
призрак шастал по
Европе,
а заклинился у нас.
Этот выбор не случаен—
примеряются к тому,
кто беспамятно отчаян
и не дорог дом кому.
Знал бы тот,
кто знать не хочет,
позабыв о всем святом,
бездуховная
жилплощадь
не заменит отчий дом.
Лягу спать,
а сна — ни грамма!
Но, как раньше, не
ворчу.
Над хрущевского
программой
до рассвета хохочу.

«Партия торжественно про-
возглашает: нынешнее по-
коление советских людей
будет жить при коммуниз-
ме!»
Принята единогласно на
XXII съезде КПСС 31. 10.
1961 г.
Кто уж кто, а этот
пожил,
о похлебке не тужил.
Нищету не уничтожил,
а деревню сократил.
Все решал оперативно,
вертопрах был хоть
куда.
Мол, село не
перспективно,
стройте агрогорода.
Рисовал не жизнь —
картину,
горы всякого добра.
Все сады и всю скотину
свел с крестьянского
двора.
По дорогам дальним
трясся,
то грозился, то финтил.
На изделия из мяса
цены страшные
взвинтил.
Мол, немного на диете
посидите, я ж клянусь,
с кукурузою на свете
возродится наша Русь.
Ни Горыныч — змей
палачий,

ни Кощей и ни злодей,
в те года мне снился
чаще
хвост ночных очередей.
Взять его бы нам на
мушку,
да устроить правый суд.
Крым отдал не за
пониюшку,
Порт-Артур, Поркала-
Удд.
О стихах судил и прозе,
ставил новшество в
вину.
Под совхозы и колхозы
раскурочил целину?
Лучше стали жить?
Едва ли!
Дал бы волю мужику
И Америку б догнали
по зерну и молоку.
Ни в колхозе, ни в
заводе
не продвинулись вперед.
Пел он, если был на
взводе,
а безмолствовал народ.
А спросить бы, между
прочим,
проявить бы интерес:
кто нам голову морочит:
лидер или КПСС?
Все же он,
скажу по ходу,
коль сердечный опочил,
дал колхозникам
свободу,
ну и культ разоблачил.
Не терпел вальняжной
спеси,
слово меткое любил.
Жертвы сталинских
репрессий
из тайги освободил.
Рады были, не читая
речи ставленных особ,
маломерки обретая,
обитатели трущоб,
но...
Опять заглянем в книгу.
Под прикрытием идей,
сплошь идут одни
интриги
новоявленных вождей.
Генеральный бровеносец,
сколотив свой
коллектив,
вертопрах с царства
сбросил,
чем, скажи не детектив?

И зажил по-царски Ирод
в белокаменной Москве
в дочернобыльский
период,
да с распадом в голове,
Жили мы не без печали,
с мифотворцами в ладу.
Но такого не встречали
ни в каком еще году.
Тут — гулянка,
там — пирушка,
а ноябрьской порой
вся партийная верхушка
поднимала пир горой.
А чтоб шито-крыто было,
не дошло до стан псов,
партократия любила
закрываться на засов.
За любой закрытой
дверью
бурно билась эта жизнь.
Кто из них, скажите,
верил
в развитой социализм?
Работяги без отваги,
без подъема, без души,
шли в цеха и там,
бедняги,
спину гнули за гроши.
И, как вычужную
лошадку,
их не ставили ни в
грош.
А скажи — дадут по
шапке
и костей не соберешь!

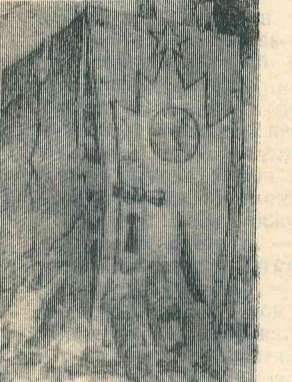
Ели, пили, не тужили,
и, как ни была б миля,
всю Россию бы пропили,
если б с Бельгией была.
Завели в стране
порядки:
там приписка, тут
подлог.
Все тащили без оглядки,
кто что видел, кто что
мог.
И прореха, и заплата
выдавалась за прогресс.
Может, в этом виновата
и сама КПСС?
Нефть качали, газ
качали
без особого труда,
за бесценку отдавали
и не мучились ночами,
а кичились как всегда!
Объясни теперь ты сыну:
отчего бедна земля?
Вздеть таких бы на
осину,
а хороним у Кремля!
По нутру орденосцу
корректировали план...
Захотелось бровеносцу
покорить Афганистан.
Засверкала, загремела,
замахала смерть косой.
Горе каждого задело,
окропило всех слезой.
У генсека ж грудь
сверкала,
как уральская слюда.
Да светила вполнакала
нам кремлевская звезда.
Все пошло за неустойку,
вот такой, брат, оборот.
И дожил до перестройки
мой доверчивый народ.
Может быть, не зная
броду,
не соваться б лучше в
воду?
Может взять и погодить
этот брод переходить?
Дышет грудь вольней и
рьяней,
частый дождик не счет.
Тот же кнут и тот же
пряник
принимается в расчет.
Так же все,
как прежде было,
обретая столичный кров,
плутokratия столбила
место около столов.
И пошли указы снова,
ну да нам не привыкать,
дать народу молвить
слово,
но возжу не опускать.
Где права у человека?
Всякий тычет под ребро!
План — хомут,
приказ — телега,
а узла — Политбюро.
Я кричу, но всюду
глухо,
я крещусь — дрожит
рука.
Не уйти, как старой
мухе,
из-под воли каблука.
Кто на крик мой
отзовется?
Но решаю не шуметь.
Вон их сколь
портфеленосцев,
а куда, скажи, их деть?
Им плевать на
перестройку,
им бы кресло, им бы
стул.
Чуть-чего и примут
стойку:
— Ущемляют, караул!
Далеко ли до инфаркта?
Свет зашкаленный
горит.
Человеческий-то фактор
с ускорением творит.
Речи льются, льются,
льются,
блюда бьются о паркет.
Фарисеям-правдолюбцам
тормозов покуда нет.
Выжимают газ не плохо
необузданных страстей.
Подминается эпоха
и не чувствуем костей.
Не обидно ли? Обидно!
Неужели мы плохи?
Где орлы? Почто не
видно?
Всюду тшцатся петухи.
Все и вся поурезали,
не стыдятся людской
молвы.
Даже клей в торговом
зале
детектива
краткий курс КПСС.

И зажил по-царски Ирод
в белокаменной Москве
в дочернобыльский
период,
да с распадом в голове,
Жили мы не без печали,
с мифотворцами в ладу.
Но такого не встречали
ни в каком еще году.
Тут — гулянка,
там — пирушка,
а ноябрьской порой
вся партийная верхушка
поднимала пир горой.
А чтоб шито-крыто было,
не дошло до стан псов,
партократия любила
закрываться на засов.
За любой закрытой
дверью
бурно билась эта жизнь.
Кто из них, скажите,
верил
в развитой социализм?
Работяги без отваги,
без подъема, без души,
шли в цеха и там,
бедняги,
спину гнули за гроши.
И, как вычужную
лошадку,
их не ставили ни в
грош.
А скажи — дадут по
шапке
и костей не соберешь!

И зажил по-царски Ирод
в белокаменной Москве
в дочернобыльский
период,
да с распадом в голове,
Жили мы не без печали,
с мифотворцами в ладу.
Но такого не встречали
ни в каком еще году.
Тут — гулянка,
там — пирушка,
а ноябрьской порой
вся партийная верхушка
поднимала пир горой.
А чтоб шито-крыто было,
не дошло до стан псов,
партократия любила
закрываться на засов.
За любой закрытой
дверью
бурно билась эта жизнь.
Кто из них, скажите,
верил
в развитой социализм?
Работяги без отваги,
без подъема, без души,
шли в цеха и там,
бедняги,
спину гнули за гроши.
И, как вычужную
лошадку,
их не ставили ни в
грош.
А скажи — дадут по
шапке
и костей не соберешь!

И зажил по-царски Ирод
в белокаменной Москве
в дочернобыльский
период,
да с распадом в голове,
Жили мы не без печали,
с мифотворцами в ладу.
Но такого не встречали
ни в каком еще году.
Тут — гулянка,
там — пирушка,
а ноябрьской порой
вся партийная верхушка
поднимала пир горой.
А чтоб шито-крыто было,
не дошло до стан псов,
партократия любила
закрываться на засов.
За любой закрытой
дверью
бурно билась эта жизнь.
Кто из них, скажите,
верил
в развитой социализм?
Работяги без отваги,
без подъема, без души,
шли в цеха и там,
бедняги,
спину гнули за гроши.
И, как вычужную
лошадку,
их не ставили ни в
грош.
А скажи — дадут по
шапке
и костей не соберешь!

И зажил по-царски Ирод
в белокаменной Москве
в дочернобыльский
период,
да с распадом в голове,
Жили мы не без печали,
с мифотворцами в ладу.
Но такого не встречали
ни в каком еще году.
Тут — гулянка,
там — пирушка,
а ноябрьской порой
вся партийная верхушка
поднимала пир горой.
А чтоб шито-крыто было,
не дошло до стан псов,
партократия любила
закрываться на засов.
За любой закрытой
дверью
бурно билась эта жизнь.
Кто из них, скажите,
верил
в развитой социализм?
Работяги без отваги,
без подъема, без души,
шли в цеха и там,
бедняги,
спину гнули за гроши.
И, как вычужную
лошадку,
их не ставили ни в
грош.
А скажи — дадут по
шапке
и костей не соберешь!

И зажил по-царски Ирод
в белокаменной Москве
в дочернобыльский
период,
да с распадом в голове,
Жили мы не без печали,
с мифотворцами в ладу.
Но такого не встречали
ни в каком еще году.
Тут — гулянка,
там — пирушка,
а ноябрьской порой
вся партийная верхушка
поднимала пир горой.
А чтоб шито-крыто было,
не дошло до стан псов,
партократия любила
закрываться на засов.
За любой закрытой
дверью
бурно билась эта жизнь.
Кто из них, скажите,
верил
в развитой социализм?
Работяги без отваги,
без подъема, без души,
шли в цеха и там,
бедняги,
спину гнули за гроши.
И, как вычужную
лошадку,
их не ставили ни в
грош.
А скажи — дадут по
шапке
и костей не соберешь!

И зажил по-царски Ирод
в белокаменной Москве
в дочернобыльский
период,
да с распадом в голове,
Жили мы не без печали,
с мифотворцами в ладу.
Но такого не встречали
ни в каком еще году.
Тут — гулянка,
там — пирушка,
а ноябрьской порой
вся партийная верхушка
поднимала пир горой.
А чтоб шито-крыто было,
не дошло до стан псов,
партократия любила
закрываться на засов.
За любой закрытой
дверью
бурно билась эта жизнь.
Кто из них, скажите,
верил
в развитой социализм?
Работяги без отваги,
без подъема, без души,
шли в цеха и там,
бедняги,
спину гнули за гроши.
И, как вычужную
лошадку,
их не ставили ни в
грош.
А скажи — дадут по
шапке
и костей не соберешь!

И зажил по-царски Ирод
в белокаменной Москве
в дочернобыльский
период,
да с распадом в голове,
Жили мы не без печали,
с мифотворцами в ладу.
Но такого не встречали
ни в каком еще году.
Тут — гулянка,
там — пирушка,
а ноябрьской порой
вся партийная верхушка
поднимала пир горой.
А чтоб шито-крыто было,
не дошло до стан псов,
партократия любила
закрываться на засов.
За любой закрытой
дверью
бурно билась эта жизнь.
Кто из них, скажите,
верил
в развитой социализм?
Работяги без отваги,
без подъема, без души,
шли в цеха и там,
бедняги,
спину гнули за гроши.
И, как вычужную
лошадку,
их не ставили ни в
грош.
А скажи — дадут по
шапке
и костей не соберешь!

И зажил по-царски Ирод
в белокаменной Москве
в дочернобыльский
период,
да с распадом в голове,
Жили мы не без печали,
с мифотворцами в ладу.
Но такого не встречали
ни в каком еще году.
Тут — гулянка,
там — пирушка,
а ноябрьской порой
вся партийная верхушка
поднимала пир горой.
А чтоб шито-крыто было,
не дошло до стан псов,
партократия любила
закрываться на засов.
За любой закрытой
дверью
бурно билась эта жизнь.
Кто из них, скажите,
верил
в развитой социализм?
Работяги без отваги,
без подъема, без души,
шли в цеха и там,
бедняги,
спину гнули за гроши.
И, как вычужную
лошадку,
их не ставили ни в
грош.
А скажи — дадут по
шапке
и костей не соберешь!

И зажил по-царски Ирод
в белокаменной Москве
в дочернобыльский
период,
да с распадом в голове,
Жили мы не без печали,
с мифотворцами в ладу.
Но такого не встречали
ни в каком еще году.
Тут — гулянка,
там — пирушка,
а ноябрьской порой
вся партийная верхушка
поднимала пир горой.
А чтоб шито-крыто было,
не дошло до стан псов,
партократия любила
закрываться на засов.
За любой закрытой
дверью
бурно билась эта жизнь.
Кто из них, скажите,
верил
в развитой социализм?
Работяги без отваги,
без подъема, без души,
шли в цеха и там,
бедняги,
спину гнули за гроши.
И, как вычужную
лошадку,
их не ставили ни в
грош.
А скажи — дадут по
шапке
и костей не соберешь!

И зажил по-царски Ирод
в белокаменной Москве
в дочернобыльский
период,
да с распадом в голове,
Жили мы не без печали,
с мифотворцами в ладу.
Но такого не встречали
ни в каком еще году.
Тут — гулянка,
там — пирушка,
а ноябрьской порой
вся партийная верхушка
поднимала пир горой.
А чтоб шито-крыто было,
не дошло до стан псов,
партократия любила
закрываться на засов.
За любой закрытой
дверью
бурно билась эта жизнь.
Кто из них, скажите,
верил
в развитой социализм?
Работяги без отваги,
без подъема, без души,
шли в цеха и там,
бедняги,
спину гнули за гроши.
И, как вычужную
лошадку,
их не ставили ни в
грош.
А скажи — дадут по
шапке
и костей не соберешь!

И зажил по-царски Ирод
в белокаменной Москве
в дочернобыльский
период,
да с распадом в голове,
Жили мы не без печали,
с мифотворцами в ладу.
Но такого не встречали
ни в каком еще году.
Тут — гулянка,
там — пирушка,
а ноябрьской порой
вся партийная верхушка
поднимала пир горой.
А чтоб шито-крыто было,
не дошло до стан псов,
партократия любила
закрываться на засов.
За любой закрытой
дверью
бурно билась эта жизнь.
Кто из них, скажите,
верил
в развитой социализм?
Работяги без отваги,
без подъема, без души,
шли в цеха и там,
бедняги,
спину гнули за гроши.
И, как вычужную
лошадку,
их не ставили ни в
грош.
А скажи — дадут по
шапке
и костей не соберешь!

И зажил по-царски Ирод
в белокаменной Москве
в дочернобыльский
период,
да с распадом в голове,
Жили мы не без печали,
с мифотворцами в ладу.
Но такого не встречали
ни в каком еще году.
Тут — гулянка,
там — пирушка,
а ноябрьской порой
вся партийная верхушка
поднимала пир горой.
А чтоб шито-крыто было,
не дошло до стан псов,
партократия любила
закрываться на засов.
За любой закрытой
дверью
бурно билась эта жизнь.
Кто из них, скажите,
верил
в развитой социализм?
Работяги без отваги,
без подъема, без души,
шли в цеха и там,
бедняги,
спину гнули за гроши.
И, как вычужную
лошадку,
их не ставили ни в
грош.
А скажи — дадут по
шапке
и костей не соберешь!

И зажил по-царски Ирод
в белокаменной Москве
в дочернобыльский
период,
да с распадом в голове,
Жили мы не без печали,
с мифотворцами в ладу.
Но такого не встречали
ни в каком еще году.
Тут — гулянка,
там — пирушка,
а ноябрьской порой
вся партийная верхушка
поднимала пир горой.
А чтоб шито-крыто было,
не дошло до стан псов,
партократия любила
закрываться на засов.
За любой закрытой
дверью
бурно билась эта жизнь.
Кто из них, скажите,
верил
в развитой социализм?
Работяги без отваги,
без подъема, без души,
шли в цеха и там,
бедняги,
спину гнули за гроши.
И, как вычужную
лошадку,
их не ставили ни в
грош.
А скажи — дадут по
шапке
и костей не соберешь!

И зажил по-царски Ирод
в белокаменной Москве
в дочернобыльский
период,
да с распадом в голове,
Жили мы не без печали,
с мифотворцами в ладу.
Но такого не встречали
ни в каком еще году.
Тут — гулянка,
там — пирушка,
а ноябрьской порой
вся партийная верхушка
поднимала пир горой.
А чтоб шито-крыто было,
не дошло до стан псов,
партократия любила
закрываться на засов.
За любой закрытой
дверью
бурно билась эта жизнь.
Кто из них, скажите,
верил
в развитой социализм?
Работяги без отваги,
без подъема, без души,
шли в цеха и там,
бедняги,
спину гнули за гроши.
И, как вычужную
лошадку,
их не ставили ни в
грош.
А скажи — дадут по
шапке
и костей не соберешь!

И зажил по-царски Ирод
в белокаменной Москве
в дочернобыльский
период,
да с распадом в голове,
Жили мы не без печали,
с мифотворцами в ладу.
Но такого не встречали
ни в каком еще году.
Тут — гулянка,
там — пирушка,
а ноябрьской порой
вся партийная верхушка
поднимала пир горой.
А чтоб шито-крыто было,
не дошло до стан псов,
партократия любила
закрываться на засов.
За любой закрытой
дверью
бурно билась эта жизнь.
Кто из них, скажите,
верил
в развитой социализм?
Работяги без отваги,
без подъема, без души,
шли в цеха и там,
бедняги,
спину гнули за гроши.
И, как вычужную
лошадку,
их не ставили ни в
грош.
А скажи — дадут по
шапке
и костей не соберешь!

И зажил по-царски Ирод
в белокаменной Москве
в дочернобыльский
период,
да с распадом в голове,
Жили мы не без печали,
с мифотворцами в ладу.
Но такого не встречали
ни в каком еще году.
Тут — гулянка,
там — пирушка,
а ноябрьской порой
вся партийная верхушка
поднимала пир горой.
А чтоб шито-крыто было,
не дошло до стан псов,
партократия любила
закрываться на засов.
За любой закрытой
дверью
бурно билась эта жизнь.
Кто из них, скажите,
верил
в развитой социализм?
Работяги без отваги,
без подъема, без души,
шли в цеха и там,
бедняги,
спину гнули за гроши.
И, как вычужную
лошадку,
их не ставили ни в
грош.
А скажи — дадут по
шапке
и костей не соберешь!

И зажил по-царски Ирод
в белокаменной Москве
в дочернобыльский
период,
да с распадом в голове,
Жили мы не без печали,
с мифотворцами в ладу.
Но такого не встречали
ни в каком еще году.
Тут — гулянка,
там — пирушка,
а ноябрьской порой
вся партийная верхушка
поднимала пир горой.
А чтоб шито-крыто было,
не дошло до стан псов,
партократия любила
закрываться на засов.
За любой закрытой
дверью
бурно билась эта жизнь.
Кто из них, скажите,
верил
в развитой социализм?
Работяги без отваги,
без подъема, без души,
шли в цеха и там,
бедняги,
спину гнули за гроши.
И, как вычужную
лошадку,
их не ставили ни в
грош.
А скажи — дадут по
шапке
и костей не соберешь!

И зажил по-царски Ирод
в белокаменной Москве
в дочернобыльский
период,
да с распадом в голове,
Жили мы не без печали,
с мифотворцами в ладу.
Но такого не встречали
ни в каком еще году.
Тут — гулянка,
там — пирушка,
а ноябрьской порой
вся партийная верхушка
поднимала пир горой.
А чтоб шито-крыто было,
не дошло до стан псов,
партократия любила
закрываться на засов.
За любой закрытой
дверью
бурно билась эта жизнь.
Кто из них, скажите,
верил
в развитой социализм?
Работяги без отваги,
без подъема, без души,
шли в цеха и там,
бедняги,
спину гнули за гроши.
И, как вычужную
лошадку,
их не ставили ни в
грош.
А скажи — дадут по
шапке
и костей не соберешь!

Над выпуском работали:
линотипист Б. Каланоза,
метранпаж Н. Николаева,
печатник М. Азанова,
корректор Е. Клестова.

Наш адрес: 626720, п. Тарко-Сале, ул. Первомайская, 20. Телефоны: прием-
ная: 2-17-95, редактор: 2-17-95, зам. редактора: 2-14-07, отдел писем: 2-14-07,
ответственный секретарь, отдел промышленности и типография: 2-10-96, отдел
радиоинформации: 2-18-95.
Пуровская районная типография Управления издательств, полиграфии и
книжной торговли Тюменского облисполкома.

Заказ 1587. Тираж 4267.
Редактор
Г. Г. МЕРЗОСОВ.

ВЫСОКАЯ ПЕЧАТЬ
ОБЪЕМ 0,5 ПЕЧАТНОГО
ЛИСТА ФОРМАТА А-3.